

Для удобства Ло Ина, передвигающегося в инвалидной коляске, во дворе не было никаких порогов, и путь был полностью свободен. Нин Чжэнь хорошо знал эту темноту. В конце тёмной комнаты сидел человек, похожий на нефрит.

В комнате не было света, но лунный свет проникал через щели занавесок, падая на его снежные волосы, делая их сияющими.

Нин Чжэнь не говорил, не было нужды в лишних словах. Он опустился на колени, снял одежду Ло Ина и осторожно поместил его в тёплую ванну.

Во дворе царил мёртвая тишина. Во многих местах Девяти Провинций всё ещё царили веселье и празднества, и даже в других уголках Дворца Облачных Небес были свои радости и веселье. Но этот уголок ночью казался мёртвым, совершенно мёртвым.

Капли воды скатывались с его талии, не оставляя ощущений.

Ло Ин горько усмехнулся. Возможно, не нужно было ждать ночи, всё уже давно умерло.

— Старший господин...

Ло Ин нахмурился, недовольное выражение мелькнуло на его лице, и он схватил Нин Чжэня за волосы, подняв его.

Нин Чжэнь смотрел на него влажными глазами, как собака, зрачки дрожали от беспокойства и страха.

Ло Ин знал, что он хочет спросить, но не ответил на его вопрос, лишь холодно сказал:

— Помнишь, что я тебе говорил?

— Да... помню. Не позволяй ему видеть. — Нин Чжэнь болезненно вдохнул, его глаза полны мольбы, и он медленно попытался прижаться к голой ноге Ло Ина.

Без Ло Ина, прокладывающего путь, Цюй Лянь легко остановили у входа в кузницу.

Он держал меч и нервничал:

— Сегодня у меня возникли проблемы с закалкой меча, это очень срочно, я выйду через пару минут.

— Кто это такой, не знающий правил? Без официальных документов ты не можешь просто войти в кузницу!

Цюй Лянь, не умея спорить, пытался объяснить, но один из них засмеялся:

— Это тот самый дурак, который кричал на второго сына Ло у Башни Мечей. Зачем ты споришь с дураком?

— Вот почему он ничего не понимает. Эх, зря время трачу.

Цюй Лянь почувствовал, как на лбу выступил пот, и вспомнил слова Лу Ли:

«Люди будут говорить. Люди будут смеяться!»

Он не знал, что делать, и решил вернуться, по пути думая, что сможет попросить помощи у Ло Ина. Он такой добрый, возможно, поможет.

Беседка Застывших Вод была ярко освещена, чёрное здание в ночи выглядело как скрывающийся зверь, под карнизом висели красные фонари, сверкающие золотом, как огромные глаза, смотрящие свысока. Внутри был тёплый свет, но тяжёлые двери безжалостно закрывались перед любопытными.

Цюй Лянь увидел у входа стражников в чёрных одеждах, с нефритовыми табличками Обители Застывших Вод, и вспомнил, как его только что отвергли. Он сжался, не решаясь подойти.

Он сел под знакомым деревом. Хотя было лето, ночной ветер почему-то был холодным, оставляя его сердце пустым.

Дурак.

Этот дурак.

Возможно, он действительно дурак.

Но как он мог быть дураком?

Цюй Лянь вдруг заплакал, но чем больше он плакал, тем хуже становилось. Люди не плачут так, как он. Он плакал, потому что был дураком! Чем больше он плакал, тем больше люди будут смеяться. В его голове мелькали странные образы: он видел себя, смеющегося среди нищих, раздающих булочки, видел себя в тонкой одежде, накрашенного, видел себя на коленях, ползающего, как собака, видел железную цепь, проходящую через его ключицу, и кровь, брызнувшую фонтаном...

Больно, так больно.

Но он всегда смеялся, он был дураком, он не понимал. Только когда кровь брызнула и он плюнул кровью, он почувствовал боль и понял, что этот мир не для него.

В ушах гудел ветер, и он слышал смех людей. Он сжался, будто слыша, как ветер несёт насмешки.

Он не хотел этого.

Не должно быть так, как он стал дураком?

Ладони были мокрыми, он всхлипывал, боясь отпустить руки, боясь увидеть призраков, мелькающих перед глазами. Он боялся людей, он хотел вернуться в горы. Он хотел к учителю, он хотел домой. Учитель был прав, это он ошибался, он ошибался снова и снова...

— Эй.

Похлопывание по плечу.

Цюй Лянь украдкой взглянул сквозь пальцы и увидел ненавистное лицо.

— Верни мне это!

Он крикнул это, хотя сам не знал, что имел в виду.

— Вернуть? Я тебе что-то должен? Ты... ты почему плачешь? — Ло Ин, увидев его в таком состоянии, снова разозлился. — Кто-то тебя обидел?

Он задал этот вопрос, но сам почувствовал странную вину, думая, что, возможно, это он сам. Он всегда говорил без оглядки, но не до такой же степени...

Цюй Лянь быстро вытер лицо и тихо сказал:

— Я ищу твоего брата.

Это испугало его, и обрывки воспоминаний, как цветы, улетели, как будто сон без следа.

— Моего брата? — Теперь Ло Ин совсем не чувствовал вины, схватил его за руку и поднял. — Не ищи. Если что, говори мне, не беспокой его.

Поднявшись, Ло Ин увидел, что у ворот собралась ещё одна группа зевак, которые смотрели на них.

Он разозлился:

— Что уставились? Как на представление? — Он схватил Цюй Ляня за рукав и потащил в дом. — Заходи, поговорим.

Цюй Лянь, поплакав, почувствовал себя лучше, но всё ещё дулся, как ребёнок, чувствуя пустоту в груди.

Он смирился с мыслью, что он действительно дурак, и грусть пройдёт.

Ло Ин закрыл дверь и нарочно поставил ему маленький стул:

— Садись сюда. Ты везде сидишь на полу, весь в пыли, не лезь на мою кровать.

— Хорошо. — Цюй Лянь кивнул, послушно сел на стул, держась за края.

Ло Ин сам покраснел. Кто... кто лезет на его кровать? Фу, он даже не думал об этом.

Цюй Лянь, с красными щеками и опухшими глазами, в свете свечи выглядел как птичка с мокрыми перьями. Он лизнул уголок рта, где была слеза, и сказал:

— Солёная.

— Ты... — Ло Ин подошёл, собираясь ругать его, но неожиданно схватил со стола платок и вытер ему лицо.

Цюй Лянь, с его лицом в руках Ло Ина, смотрел на него широко раскрытыми глазами.

Ло Ин постепенно расслабился, его движения стали мягче, будто боясь потревожить эту ясную воду в глазах Цюй Ляня.

Так мягко.

Его сердце тоже смягчилось.

— Спасибо. — Цюй Лянь снова улыбнулся, его красные глаза превратились в полумесяцы. —

Ты так нежно, мне приятно.

Он наклонил голову, прижавшись к ладони Ло Ина, и тот отпрянул, как будто обжёгся, почувствовав тепло, поднимающееся по руке к позвоночнику.

Живот Цюй Ляня заурчал, и он спокойно сказал:

— Я голоден.

Ло Ин не мог с ним справиться, вышел и велел принести еду. Вскоре стражник принёс из кухни различные сладости и корзину свежих фруктов, которые выглядели очень аппетитно.

Стражник положил еду и вышел, оглядываясь через плечо, но Ло Ин сердито на него посмотрел, и тот быстро убежал.

Увидев еду, Цюй Лянь вскочил со стула:

— Ты такой добрый, я снова тебя люблю.

Ло Ин: «...»

Пока Цюй Лянь с аппетитом ел, Ло Ин спросил:

— Что ты хотел от моего брата? В следующий раз обращайся ко мне, не беспокоя его.

— Я перековал меч Мин Иня, но имя, которое я дал, Лу Ли сказал, что оно неподходящее, нужно его изменить.

Ло Ин взял меч, вытащил его и удивился:

— Это намного лучше, чем было. Подожди, ты перековал его? Это тот же меч?

Он был совершенно другим, Ло Ин даже не узнал его.

Обитель Застывших Вод следовала пути меча, и с детства он видел тысячи мечей. Когда он встретил Мин Иня на Сопе Звёздной Реки, он сразу понял, что меч был посредственным и даже сломанным. Но теперь этот меч был гладким, лезвие резало железо, как масло, и когда он влил в него немного духовной силы, она текла, как рыба в воде, без препятствий и даже собирала энергию.

— Угу. — Цюй Лянь жевал, облизывая уголки рта. — Я нашёл духовный камень в Громе, Запечатывающем Дух, и починил сломанную часть.

— «Гром, Запечатывающий Дух»? Ты имеешь в виду Камень Чёрного Золота? Такое древнее название я видел только в книгах. Найти камень такого качества — большая удача. — Ло Ин слегка пошевелил пальцами, направляя потоки духовной энергии, и меч загудел, будто жаждал крови.

Он думал, что такой хороший меч был бы жалко отдавать Мин Иню с его посредственными способностями.